

АБРАМОВА ГУБА: К ЭТИМОЛОГИИ МИКОНИМА*

В статье предпринята попытка выяснить происхождение ряда названий грибов и грибных наростов на дереве: *абра́мка*, *абраму́ха*, *обраму́шка*, *абра́мова (обра́мова) губа*, *абра́мов гриб*, — которые отмечены в ярославских говорах русского языка. Этимологизация лексем подобного рода — формально близких антропонимам, — помимо стандартных процедур анализа, должна учитывать еще несколько факторов: а) актуальность для языкового сознания тех или иных компонентов антропонимического значения (денотативная отнесенность имени, указание на гендер, вхождение в национальный антропонимикон и др.), б) активность паронимической аттракции к антропониму, особенно в предметной лексике. Антропоним *Абра́м* в рамках отыменной версии происхождения миконимов можно рассматривать в нескольких «ипостасях»: а) имя библейского патриарха, б) вторичный этноним, в) пейоративная характеристика человека (независимо от этнической принадлежности). Однако целый ряд обстоятельств препятствует идентификации производящей для миконимов основы с этим антропонимом: отсутствие связи с библейским образом и соответствующих ботанических терминов в латыни и других западноевропейских языках; отсутствие в русском языке «еврейских» или «мужских» названий грибов и грибных наростов. С другой стороны, ареал миконимов — ярославские говоры — заставляет предположить переоформление по отантропонимической модели какого-то слова, заимствованного в русский язык. Анализ номинаций древесных наростов в севернорусской лексике, осуществленный О. В. Мищенко, доказывает открытость соответствующей идеограммы для финно-угорских заимствований и необходимость включения значения

---

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики». Автор искренне благодарен Е. Л. Березович и О. В. Мищенко за ценные замечания, высказанные в ходе подготовки статьи к печати.

‘нарост, опухоль’ и т. п. в число потенциально исходных для миконимов. Автор настоящей статьи обосновывает возможность их этимологизации с опорой на мар. *ováryme* ‘опухоль’ как по формальным критериям (варьирование гласных в начале и середине слова в языке-источнике, корреляция мар. *v* [β] ~ рус. *б* и пр.), так и по семантическим (наличие схожих моделей номинации ‘нечто вздутое’ → ‘гриб, грибной нарост’ в обоих контактирующих языках).

Ключевые слова: русский язык; ярославские говоры; миконимы; отантропонимическая модель номинации; библониимы; паронимическая аттракция; лексическое заимствование; марийский язык

1. Постановка вопроса

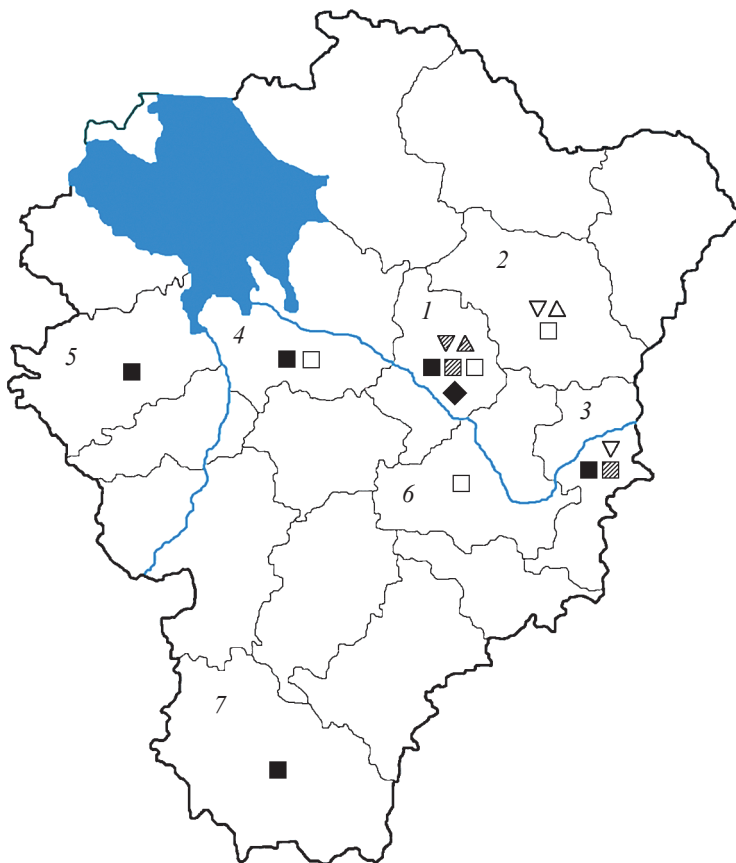
1.1. В ярославских говорах русского языка отмечено несколько названий грибов и наростов на деревьях, которые формально (т. е. учитывая звуковое сходство) можно соотнести с антропонимом *Абрам* — личным именем или именем библейского персонажа. Анализируемый материал включает:

а) однословные наименования: дан. *абра́мка*, дан., некр. *абраму́ха* ‘гриб свинушка’ [ЯОС-Д, 1, 21], тут. *обраму́ха* ‘несъедобный гриб (какой?)’ («Обрамухи-то и губами зовут — обрaмовы губы»), тут. *обраму́шка* ‘съедобный гриб (какой?)’ [ЯОС, 7, 19];

б) атрибутивные сочетания: *абра́мова гу́ба* тут. ‘гриб (какой?)’ [ЯОС, 7, 19], дан., рыб., яр. ‘гриб свинушка’ [ЯОС-Д, 1, 21], тут. *обра́мова гу́ба* ‘несъедобный гриб (какой?)’ [ЯОС, 7, 19], некр. *абра́мова гу́ба* ‘грибной нарост на березе, чага’ [ЯОС-Д, 1, 21], тут. *абра́мов гри́б*, некр., пересл., рыб., тут. *абра́мова гу́ба* ‘грибной нарост на стволе дерева’ [Там же].

Указанные миконимы, как видно по ссылкам выше, отмечены только в «Ярославском областном словаре» и дополнениях к нему, обнаружить их в других источниках нам не удалось (т. е. возможно, что их и нет). Миконимы занимают довольно компактный ареал из шести районов, которые расположены в центральной части области и тянутся с запада на восток (см. карту). На востоке области ареал более плотный, именно здесь отмечено варьирование на разных языковых уровнях (см. о нем ниже), и именно отсюда, возможно, миконимы иррадиировали в западном направлении и южном (один район на крайнем юге области). Интересно также то, что во всех семи районах фиксируются атрибутивные сочетания, а в «боковых» районах — значение ‘древесный нарост’.

Цель настоящей статьи — попытаться установить мотивацию данных языковых единиц. Основной вопрос, на который предстоит ответить, — это вопрос о гомогенном или гетерогенном характере омонимии различных форм личного имени *Абрам* и апеллятивных диалектизмов. Иными словами, надо выяснить, являются ли ярославские миконимы семантическими дериватами имени собственного или возникли в результате паронимической аттракции к нему.

Ареал миконимов с корнем *абрам-* (*обрам-*) в Ярославской области

Условные обозначения

△ — абрамка	□ — абрамова губа
▽ — абрамуха	■ — абрамова губа (нарост)
▲ — абрамуха	▨ — абрамова губа
▼ — абрамушка	◆ — абрамов гриб

Районы Ярославской области:

1 — Тутаевский	5 — Некоузский
2 — Даниловский	6 — Ярославский
3 — Некрасовский	7 — Переславский
4 — Рыбинский	

В решении этих вопросов мы будем опираться на методику системного анализа дериватов личного имени, разработанную представителями Уральской ономастической школы (см. работы Е. Л. Березович, М. В. Голомидовой,

И. В. Родионовой, Л. А. Феоктистовой; обзор дан в [Феоктистова, 2016, 87–90]). Данная методика предполагает учет различных компонентов антропонимического значения, которые могут актуализироваться при семантической (семантико-словообразовательной) деривации на основе личного имени: обозначение человека как такового, указание на гендер, денотативную отнесенность имени, частотность, вхождение в национальный антропонимикон и др. [подробнее см.: Там же, 104–105]. Таким образом, при реконструкции мотивационного значения предполагаемого деантропонима мы будем сопоставлять структуру лексического значения апеллятивной лексемы и семантики антропонима, рассматриваемого в качестве ее производящей основы.

Чтобы обеспечить доказательность нашим логическим построениям, используем метод семантических параллелей. Это означает, что мы должны учитывать, с одной стороны, наличие отантропонимической модели номинации в той предметной сфере, к которой относится предполагаемый деантропоним, а с другой — возможность номинации обозначаемого посредством личного имени признака объекта другими языковыми средствами (что говорит о релевантности данного признака для носителя языка); о методике анализа см. подробнее [Березович, 2007, 518–520].

1.2. Специфика исследуемого материала заключается, помимо прочего, в наличии языкового варьирования, которое в зависимости от предлагаемой этимологии может иметь разное объяснение.

Это варьирование троякого рода:

а) фонетическое — варьирование безударного гласного *a/o* в анлауте в условиях окающего говора, см. *абрамúха* / *обрамúха*, *обрамúшка*, *абрáмова* / *обрáмова гúба*, что может быть результатом гиперкоррекции, если принять версию отантропонимического происхождения либо паронимической аттракции к антропониму;

б) словообразовательное — варьирование моделей номинации и словообразовательных средств в рамках этих моделей (подробнее см. ниже);

в) семантическое — ‘гриб свинушка’, ‘грибной нарост на березе, чага’, ‘грибной нарост на стволе дерева’, не считая тех значений, которые даются со знаком вопроса: ‘гриб (какой?)’, ‘съедобный гриб (какой?)’, ‘несъедобный гриб (какой?)’¹.

¹ Свинушка в настоящее время признана ядовитым грибом, ранее же относилась к условно съедобным грибам, которые требуют перед употреблением в пищу длительной обработки. Это значит, что определение *съедобный* / *несъедобный* в словарных дефинициях достаточно относительны и могут отражать вкусовые предпочтения конкретных информантов, что подтверждается многочисленными иллюстративными контекстами. См., например: «Мы их вот дуньками <о свинушках. — Л. Ф.> зовём. Кто берёт их, а кто нет» (иван.) [Жмурко, 2001, 43–44]; «Дуньки можно жарить, тока они горькавы. Раньше мы и не знали этих дунек, а теперь вот берём» (смол.) [ССГ, 3, 153].

Словарные данные, представленные выше, к сожалению, не позволяют судить о количестве фиксаций и, следовательно, о достоверности тех или иных значений, имеющих у рассматриваемых миконимов. Следует отметить, что чага — это только один из видов грибных наростов на дереве (бесплодная форма трутовика скошенного), дефиниция же ‘грибной нарост на стволе дерева’ — *абра́мов гриб*, *абра́мова губа* — допускает включение в круг рассматриваемых объектов номинации и других трутовиков. А термин *губа* может относиться и к «обычным» грибам, и к трутовикам; см. также *губа* дан., некр. ‘общее название грибов’, тут. ‘съедобные грибы, главным образом используемые для соления’ [ЯОС, 3, 113].

Таким образом, для ярославских миконимов можно постулировать наличие двух основных значений, которые будут коррелировать друг с другом: ‘гриб-свинушка’ и ‘грибной нарост на дереве (чага, трутовик)’. Априорно мы не можем установить характер связи между ними, так как это могут быть и параллельно развившиеся значения (ср., например, сев.-рус. *пузырь* ‘наплыв на дереве’ и ‘гриб-дождевик’ [КСГРС]), и производные одно от другого (‘гриб-свинушка’ → ‘грибной нарост на дереве (чага, трутовик)’ или наоборот, в зависимости от того, какое из значений следует считать исходным).

Учитывая приведенные формально-семантические особенности миконимов, приступим к их этимолого-мотивационному анализу.

2. Отантропонимическая версия (версии) происхождения яросл. *абрамка*, *абрамуха*, *абрамова губа* и др.

Отыменное происхождение миконимов вроде бы кажется очевидным, если принять во внимание известный антропоморфизм восприятия грибов, который находит отражение в разных кодах народной культуры, в том числе языковом [см.: СД, 1, 549–550]. Однако в рамках данной версии нуждается в обосновании сам выбор того или иного имени. А между тем это «один из наиболее трудных случаев для этимологии» [Меркулова, 1967, 183]. В числе факторов, которые затрудняют этимологизацию миконимов, созданных в рамках отантропонимической модели, можно указать многообразие ассоциативных связей личного имени [Там же, 184], а также активное участие личных имен в процессах паронимической аттракции [см. об этом, в частности: Родионова, 2007; Феоктистова, 2019 (здесь же другая литература)].

Соотнося миконимы *абрамка*, *абрамуха*, *абрамова губа* и др. с антропонимом *Абрам*, надо учитывать, во-первых, его прецедентность, во-вторых, этническую маркированность, и в-третьих, возможность развития апеллятивных значений, которые тем или иным образом характеризуют любого человека.

2.1. Анализ терминов народной ботаники, производных от библейских имен, показывает, что они либо непосредственно отсылают к библейским образам или

сюжетам, либо являются адаптацией заимствованных из латыни номенклатурных наименований [см., в частности: Родионова, 2000].

Однако для рассматриваемых миконимов ничего подобного нам выявить не удалось. Образ библейского патриарха запечатлен в влг. *абрам* ‘седой благообразный старец с бородой’ [СГРС, 1, 11], но у миконимов ничего общего с ним, разумеется, нет. С другой стороны, мы не нашли и никаких параллелей в славянских или иных западноевропейских языках, что указывало бы на заимствование, т. е. «абрамы» — это узколокальные даже в пределах одного языкового ареала термины народной ботаники.

В плане типологии обращает на себя внимание *иудино ухо* (мн. ч. *ухи*), *ушко* ‘род грибов’ [СлРЯ XVIII, 9, 175]², но сопоставлять с ним яросл. *абрамова губа* было бы, на наш взгляд, не совсем корректно.

Дело в том, что *иудино ухо* обозначает грибной нарост на корнях и стволе бузины, иногда других деревьев, который в научной классификации называется *Auricularia auricula-judae* «ушная раковина еврея» (или *fungus sambucinus* «бузинный гриб») [OED, *Jew's ear*]. Ср. аналогичные наименования в западноевропейском ареале: польск. *judaszowe ucho*, чеш. *ouško jidášovo*, словац. *judášove ucho*; нем. *Judasohr* (*Judasohrlein*, *Judas-uhren*, *Judenuhren*), нидерл. *Judasoor(en)*, дат. *Judasore*, англ. *Judas ear*, фр. *oreille de Judas*, ит. *orecchio di Giuda* [Анненков, 1878, 247].

Очевидно, что в русском, как и в других языках, это калька со средневековой латыни — не совсем точная, но этимологически верная, учитывая родство этнонима для обозначения евреев и имени родоначальника самого многочисленного колена Израилева, тезкой которого был Иуда Искарот. Смешение этих имен обнаруживают названия бузинного гриба в польском и немецком языках, при посредстве которых слово, скорее всего, и проникло в русский. Ср. польск. *grzyb judaszowy* и *żydowski grzyb*, нем. *Judas-uhren*, *Judenuhren*, а также англ. *Judas ear* и *Jew's ear* [Анненков, 1878, 247].

Связь названия грибного нароста с именем Иуды и этнонимами евреев обусловлена местом его произрастания — на бузине, которая известна как одно из «иудиных деревьев» (ср.-лат. *arbor Iudae*). См., в частности, рус. *иудино дерево* ‘багрянник европейский *Cercis siliquastrum* L.’, польск. *judaszowe drzewo* ‘то же’ [Анненков, 1878, 92]. Н. Н. Анненков объясняет происхождение этих названий тем, что «Иуда-предатель повесился на этом дереве, а так как существует еще другое предание, что Иуда повесился на осине, то оба предположения могут быть объяснены тем, что у Теофраста именем *Cercis*³ также называется *Populus*

² См. также: «Уши иудовы губа, что гриб; у кого горло болит, или кто осипнет, и положить в молоко пресное, да провари немного, и тем молоком полоскать горло и выплюнуть, и пить молоко помогает» [Флоринский, 1879, 172].

³ Ср. др.-греч. *χερχίς* ‘осина’ [Дворецкий, 1958, 938].

Tremula, осина» [Анненков, 1878, 92]. В. Б. Колосова указывает на то, что данные фитонимы являются кальками, и сопоставляет их с фр. *gainier de judee*, *arbre de judee*, *arbre de judas*, нем. *Judasbaum*, англ. *judas-tree* с тем же значением (‘багряник европейский *Cercis siliquastrum* L.’) [Колосова, 2018, 235].

Относительно *иудиного уха* добавим, что сравнение грибного нароста с ушной раковиной обусловлено его внешним видом (см. рис. 1), т. е. здесь образная номинация, тогда как *абрамова губа* — результат действия продуктивной модели (см. далее).

Рис. 1. Иудино ухо (*Auricularia auricula-judae*) [<https://proza.ru/pics/2016/08/19/1698.jpg>]

2.2. Обратимся к анализу тех возможностей интерпретации рассматриваемых миконимов, которые связаны с этнической маркированностью имени *Абрам*.

В данном случае мы будем исходить из того, что объекты номинации — условно съедобный гриб-свиноуха и инородные грибные новообразования на дереве (чага, трутовик) — обладают неким экспрессивным потенциалом и могут получать негативную оценку. Для выражения такой оценки могут быть использованы этнонимы — обозначения «чужих» (по отношению носителю языка) этносов, которые уже только в силу этой своей чуждости, а также под влиянием стереотипного сознания должны восприниматься негативно. Для того чтобы доказать наличие у миконимов подобной ксеномотивации⁴, надо ответить на следующие вопросы: а) есть ли примеры употребления имени *Абрам* для обозначения представителя этноса? б) есть ли среди производных от еврейских имен или этнонимов примеры ксеномотивации?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, можно привести жарг. ирон. *абрам* ‘еврей’ [Отин, 2010, 121]. См. также поговорку *Иван в окопе, Абрам в коопе* (сообщено Е. Л. Березович)⁵. Другие примеры — за рамками русского языка. Ср. прежде всего кашуб. *Ábram komu zazera do ośi* ‘Абрам кому-л. заглядывает в глаза’ и польск. *żyd mi depce po oczach* ‘еврей мне наступил на глаза’ ‘кого-л. клонит в сон’ [Березович, 2014, 189; здесь же ссылки на источники].

⁴ Данный термин вводит Е. Л. Березович для обозначения обобщенного представления о чужом как о «примитивном, некультурном, диком, аномальном, неправильном *etc.*» в мотивировках *ксенонимов* — апеллятивных производных от этнонимов и этнически маркированных личных имен [Березович, 2007, 407].

⁵ Е. Л. Березович со ссылкой на «Словарь коннотативных собственных имен» Е. С. Отина [2010] приводит длинный перечень таких имен: *абрам, борух, зяма, изя, щык, мойша, монька, фима, хайм, хаскель, сарра, софья, хая* [см.: Березович, 2007, 121].

Есть примеры корреляции с этнонимом евреев других библейских имен: кроме упомянутого выше *Иуда*, в предметной номинации это *Арон* (*Аарон*) и *Исак* (*Исаак*). См.:

- словац. *izák* ‘пятно на стене от стекающей воды’ и чеш. *žid* ‘пятно, грязная полоса’, польск. *żyd* ‘то же’, *żydy* ‘черные пятна на стене после побелки’ (откуда, вероятно, заимствовано в русский: ср. смол., без указ. м. *жид* ‘клякса на бумаге’) [см.: Березович, 2007, 436; здесь же ссылки на источники];

- словац. *aronová brada*, чеш. *aronová brada*, польск. *aaronova broda* ‘аронник пятнистый’, *Arum maculatum L.*’ и словац. *zidová brada*, чеш. *zidová brada* ‘то же’ [см.: Колосова, 2018, 233; здесь же ссылки на источники].

Фитонимы на *a(a)ron-* возникли под влиянием латинского названия растения *Arum*, которое ассоциировалось с именем библейского первосвященника [см.: Колосова, 2018, 233]. Второй компонент фитонима, как предполагает В. Б. Колосова, может быть обусловлен формой подземной части растения — от утолщения в основе стебля отходит множество тонких корешков. Хотя, на наш взгляд, более вероятным объектом номинации по сходству с бородой Аарона являются два более крупных по сравнению с другими остроконечных лепестка соцветия (см. рис. 2).

В любом случае ксеномотивацию из приведенных примеров имеют только словац. *izák* и кашуб. *Ábram komu zazera do oči*, поскольку в них посредством еврейских имен кодируется инородность номинируемых объектов (пятно на однотонной поверхности чего-л., смена одного физиологического состояния другим).

В народной ботанике примерами ксенонимов могут служить чеш. *žid* ‘несъедобный гриб вообще, поганка’, укр. *жидкі* ‘гриб *Agaricus vernalis*’, аналогично ср.-урал. *тамарук* ‘несъедобный гриб’, словац. *ňemes* ‘название некоторых видов несъедобных грибов, в том числе ядовитый гриб *Boletus Satanus*’ [см.: Березович, 2007, 435–436; здесь ссылки на источники, а также некоторые другие примеры].

Таким образом, ярсл. *абрамка* и под. в приведенном ряду выглядят особняком по нескольким причинам:

а) отсутствие этнонимических («еврейских») вариантов названия;

б) денотативные различия: некоторые ксенонимы обозначают несъедобные грибы, но не трутовики и не условно съедобные грибы типа свинушки;

Рис. 2. Камнеломка плетеносая (*Saxifraga stolonifera*)

[<https://dweryvleto.ru/image/cache/catalog/171461166/saxifragastoloniferacuscutiliformis3-300x300.jpg>]

в) разные мотивы и способы номинации: *ааронова борода* — метафора по внешнему виду, *иудино ухо* — метонимия по месту произрастания, *жидки́* и пр. — общая негативная оценка;

г) разные языковые ареалы моделей — западноевропейский и севернорусский — и разная степень актуальности этностереотипов у носителей родственных языков в зависимости от численности еврейского населения в местах проживания.

Данные соображения не позволяют, на наш взгляд, считать исчерпывающей версию ксеномотивации «абрамов» и побуждают к поиску альтернативных версий.

2.3. Следующий шаг — анализ отантропонимической модели номинации грибов, если предположить, что имя *Абрам* в качестве производящей основы миконимов употреблено как личное имя или его семантический дериват (а не как библионим и этноним). Сразу скажем, что антропонимы используются только для наименования шляпконожных грибов, но не наростов на дереве (значит, по отношению к «абрамам» — грибным наростам должна иметь место метонимия).

В рамках данной модели выделяются две разновидности, о которых уже шла речь выше, при репрезентации анализируемого материала:

а) однословные наименования: см. арх. *иван* ‘название некоторых трубчатых грибов (моховика, подберезовика, белого гриба и др.)’ [СГРС, 4, 295] и др.;

б) атрибутивные сочетания: арх. *машин гриб (грибок)*, *машкин гриб (грибок)* ‘гриб (какой?)’ [АОС, 10, 59] (другие примеры см. ниже)⁶.

Оба типа названий, как правило, реализуют метафорические модели номинации, в основе которых — сходство грибов с фигурой человека (ср. ср.-урал. *гриб* ‘старый человек’, ‘мальчик-подросток’ [ПОС, 8, 24]) или губами. Ср. обратную модель ‘гриб (исходно древесный)’ → ‘губа (часть лица, рот)’ в рефлексах праслав. *gribъ и *goba [РЭС, 12, 183, 94–95], что говорит об устойчивости такого отождествления. См. также яросл. *губарь* ‘вид гриба’ и ‘человек с большой отвислой губой’ [ЯОС, 3, 114]. В целом подобная номинация носит комплексный характер: один образ может наслаиваться и перерастать в другой, более детальный. В этом смысле показателен контекст: «Щас *дуни* губастые пошли. Почему *дуня* губастая? А у ней шляпка, как *губа*, развесится, как баба-неряшка» (моск.) [СГПм, 1, 197].

Атрибутивные сочетания притяжательных прилагательных с гиперонимами *гриб* и *губа* нередко функционируют параллельно однословным миконимам-деантропонимам (примеры см. ниже) и, вероятно, производны от них. Детализации

⁶ В данном случае мы, конечно, далеки от мысли привести полный перечень миконимов-деантропонимов обоих типов: во-первых, чтобы не дублировать отдельные примеры в разных частях статьи, во-вторых, чтобы искусственно не увеличивать число репрезентантов отантропонимической модели за счет названий, не совсем ясных для нас с точки зрения их семантической мотивации.

и трансформации исходного антропоморфного образа, вероятно, способствует совмещение у лексем *гриб* и *губа* анатомического и миконимического значений. См.:

- моск. *дарьица*, *дарьюшка* и *дарьи* (*дарьины*) *губы* ‘гриб свинушка тонкая (*Paxillus involutus* (Batsch) Fr.)’ [СГПм 1, 20, 162; и др.];
- яросл. *еремей*, *еремейка* ‘гриб черный груздь’ [ЯОС, 4, 36], *ермошки*, *ермоны* *губы* ‘грибы (какие?)’ [ЯОС, 4, 36; СРНГ, 9, 30];
- иван., моск. *матрёна*, иван. *матрёха* и под. ‘гриб свинушка тонкая (*Paxillus involutus* (Batsch) Fr.)’ [Жмурко, 2001, 43–44; СРНГ, 18, 35; и др.], яросл. *матрёна* ‘несъедобный гриб (какой?)’ [ЯОС, 6, 36] и влад. *матрёнины губы* ‘то же’ [ВОС, 1, 28, 24].

Отдельного внимания заслуживает оппозиция мужских и женских имен, ставших производящими основами для миконимов. См.:

а) мужские имена: арх. *вахрамей* (*вахромей*) ‘белый гриб’ [АОС, 3, 56; СГРС, 2, 33], арх. *макар* ‘гриб подберезовик’, *матвей* ‘то же’ [СГРС, 7, 221, 248], *савватей* ‘то же’ [КСГРС];

б) женские имена: без указ. м. *арина* (*орина*) ‘гриб груздь перечный (*Agaricus* (*Lactarius*) *Piperatus* Fr.)’ [СРНГ, 1, 274–275], влад. *арина*, *аришка*, моск. *орина* ‘гриб чернушка (*Agaricus Necator*)’ [СРНГ, 23, 343]; иван. *оринка* ‘гриб свинушка (*Paxillus involutus* (Batsch) Fr.)’ [Жмурко, 2001, 43]; томск. *маланья* ‘то же’ [ПССС, 2, 132; СРГС, 2, 251].

Оппозиция мужских и женских имен, возможно, отражает родовую принадлежность терминов *гриб* — *губа* и так же, как и они, противопоставляет грибы семейства болетовых (трубчатые) и агариковых (пластинчатые)⁷. О. В. Белова — автор статьи о грибах в «Славянских древностях» — вслед за В. Н. Топоровым усматривает в этом проявление эротической символики, которая также связана с особенностями их морфологического строения (выпуклой или вогнутой формой шляпки гриба) [см.: СД, 1, 549–550]. Не исключено, что данная оппозиция, помимо прочего, указывает и на различия в пищевой ценности грибов — большей у грибов с мужскими именами (трубчатых) и меньшей у грибов с женскими именами (пластинчатых).

С «бабьими» названиями грибов второго сорта «абрамов» объединяет негативная оценка, присущая, с одной стороны, гендерному стереотипу (ср. арх. *бабья губа* ‘гриб, паразитирующий на стволах деревьев, трутовик’ [СГРС, 1, 25]), а с другой стороны — этностереотипу (ср. арх. *абрам* ‘бранно’: «Ой ты, абрам! — уставленье дают, ругают» [АОС, 1, 62]).

Но все же *абрамка*, *абрамуха*, *абрамова губа* и др. в этом «бабьем царстве» агариковых грибов, если рассматривать их как производные от мужского имени, будут стоять особняком. Еще одно обстоятельство, которое, на наш взгляд, затрудняет данную этимологию, — это отсутствие у миконимов-деантропонимов

⁷ Об указанных гиперонимах см. подробнее [Меркулова, 1967, 162–168].

значения 'грибной нарост на дереве' (хотя в семантической парадигме гиперонимов *гриб*, *губа* оно встречается).

2.4. Итак, в рамках отыменной версии происхождения миконимов производящую для них основу — антропоним *Абрам* — можно рассматривать в нескольких ракурсах («ипостасях» имени): а) имя библейского патриарха, б) вторичный этноним (субститут этнонима), в) пейоративная характеристика человека (независимо от его этнической принадлежности).

Но всякий раз при этом мы будем сталкиваться с теми или иными трудностями, которые препятствуют интерпретации названий грибов и грибных наростов как деантропонимов «в чистом виде» и/или повышают уровень гипотетичности этой версии. Еще раз перечислим эти трудности:

- а) отсутствие какой-л. связи с библейским образом;
- б) отсутствие соответствий в латинском языке как источнике терминов научной ботаники и в других контактных с русским языках, в которых эти термины были заимствованы (имеем в виду западноевропейские языки);
- в) отсутствие «еврейских» отэтнонимических названий несъедобных или условно несъедобных грибов и грибных наростов в русском языке, которые могли бы подтвердить ксеномотивацию рассматриваемых миконимов;
- г) отсутствие деантропонимов среди названий грибных наростов (если предположить, что именно грибные наросты были объектом номинации) и отсутствие производных от мужских имен среди названий грибов семейства агариковых, к которым относится свинушка (если исходить из того, что первоначально именно гриб, а не грибной нарост оказался в поле зрения номинатора).

3. Альтернативные возможности этимологизации яросл. *абрамка*, *абрамуха*, *абрамова губа* и др.

3.1. Учитывая то, что антропонимы и отантропонимические производные довольно часто участвуют в различных аттракционных процессах, особенно в предметной лексике (о чем говорилось выше), можно предположить, что миконимы возникли в результате переоформления по отантропонимической модели какого-то другого названия гриба или грибного нароста.

Это название может быть как исконно русского происхождения, так и заимствованного. В русских говорах лексем, которые были бы формально и семантически близки рассматриваемым миконимам, нам не удалось найти, поэтому мы обратились к поиску этимона в тех языках, контакты с которыми могут отражать ярославские говоры: прибалтийско-финских, пермских, марийском и чувашском [см. об этом: Мызников, 2004, 296–301; 2005, 83–92].

В качестве предпосылок к такой этимологизации миконимов можно указать не только недостаточную аргументированность версий их происхождения от антропонима, но также узкий ареал их фиксации.

3.2. О. В. Мищенко показала, что на Русском Севере для трутовика (в отличие от наплыва) не отмечено специальной, широко распространенной модели исконного характера: помимо термина *губа*, встречаются названия с разной мотивацией и небольшим ареалом (см., например, сев.-рус. *бабья губа, горун, копыто, курка, скрипа* и др.) [см.: Мищенко, 2000, 181; 2021, 226].

В то же время распространены лексемы финно-угорского происхождения, которые выделяют трутовик среди древесных новообразований, с одной стороны, и грибов, с другой. Данное обстоятельство позволяет автору считать идеограмму 'трутовик' открытой для заимствований [см.: Мищенко, 2021, 226–227].

Среди тех заимствований, которые приводит О. В. Мищенко [2000, 181], есть лексемы как узкого, так и широко распространения, см.:

- литер. *чага* < коми *tšak* 'гриб, губка' [Фасмер, 4, 310] (здесь и далее мы не указываем диалектные фонетические варианты заимствований);

- арх. (леш., мез.) *бака* < коми *baka* 'березовая губка' [Фасмер, 1, 108];

- сев.-рус. (арх., влг.) *пакула (накла, пакля)* < приб.-фин., ср. фин. *pakkula, pakkuli* '(березовый) гриб-трутовик, кап, трут'; карел. ливв. *pakkuli, pakkul'i* 'возникший из древесного сока черный коркообразный нарост на старой березе, кап, наплыв; гриб-трутовик'; карел. люд. *pakkul', pakkul, pakkuli* 'нарост на березе, мягкое, грибоподобное образование на стволе березы'; вепс. сев. *pakkal* (род. *paklan*) 'березовый гриб-трутовик', ср.-вепс. *pakl'us* 'гриб трутовик' [Фасмер, 3, 189; SKES, 3, 470];

- сев.-рус. (Белозерье и смежные территории) *чамка* < саам., ср. саам. шв. *tjana* 'гриб', норв. *čaana*, колт., патс. *t'sann^a*, нотоз. *t'sann^a*, кильд. *t'sann^a*, терск. *t'sann^a* 'гриб-трутовик' [см.: Субботина, 1978, 77];

- влг. (выт.) *тютяк* 'чага' < вепс. *čustäk* 'нарыв, прыщ' [Мызников, 2004, 93] (о приведенных выше заимствованиях см. подробнее [Там же, 90–93]).

О. В. Мищенко [2000, 185] обращает внимание на то, что в финно-угорских языках понятия 'наплыв', 'трутовик' соотносятся с 'гриб вообще', 'нарост, опухоль' и т. п. и образуют единый комплекс в семантической структуре отдельного слова. См., в частности, фин. *pakkula, pakkuli* '(березовый) гриб-трутовик, кап, трут', 'возникший в трещине березы (например, из разлившегося древесного сока) темный грибовидный нарост', 'шишка, нарост (у людей и животных)', 'затверделость, отверделость' [SKES, 3, 470]. Указанная корреляция значений подтверждается и данными «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепского, саамского языков», ср.:

- карел. *känsä, käžnä* и др., вепс. ср., юж. *käžn* 'гриб-трутовик' и фин. *käsnä* 'мозоль'; карел. *tagla* 'гриб-трутовик', *tagla, tagl* 'трут' и вепс. *tagl* 'мозоль' [СОС, 39];

- фин. *pahka* 'нарост, шишка' и карел. *pahka*, ливв. *pahku* и др. 'шишка, нарост на теле', 'нарыв', вепс. *pahk* 'нарыв', саам. *pahk* 'шишка, нарост на теле' [СОС, 135–136].

Схожая картина наблюдается и в севернорусских говорах. У названий наплыва на дереве, капа фиксируются значения, которые могли возникнуть параллельно (см., например, *вахлыш* ‘уплотнение, шишка’, *ковыря* ‘то же’, *холмак* ‘шишка, опухоль на теле’) или же развиться одно из другого — см., например, *булдырь* ‘волдырь, нарыв, опухоль, шишка’, *зоб* ‘нарост на дереве’ [см.: Мищенко, 2000, 178–179].

Таким образом, в русском языке и финно-угорских есть схожие семантические модели: ‘нарост на дереве’ — ‘нарост на теле’. Но между ними есть и различия: русская модель уже, так как относится только к напльвам на деревьях, финно-угорская — шире, так как охватывает не только напльвы, но и труповики (т. е. любые новообразования различной этиологии). Отсюда следует, что при поиске возможного этимона для «абрамов» в поле зрения должны попасть слова, которые обозначают не только гриб или грибной нарост, но и какое-то новообразование на теле человека или животного (волдырь, мозоль, опухоль и т. п.).

3.3. С учетом сказанного заслуживает внимания, на наш взгляд, мар. *овáрыме* ‘опухоль’, которое представляет собой субстантивированную форму причастия от глагола *оварáшш*, горн. *авáрашш* [СМЯ, 1, 256]: «Пурла шү ргö тул пижме гай пенг еш, оварымыже ойыртемын пале» <Правая щека ноет, как будто там зажгли огонь, опухоль становится всё более заметной> (М. Шкетан)⁸.

Данный глагол многозначен, но все его значения (прямые и переносные) объединяет семантика вздутия, увеличения в объеме — в первую очередь различных жидкостей или под действием жидкости, см.:

- ‘подниматься, подняться, подходить, подойти (о молоке, супе, пище при кипении, о тесте)’, ‘вздуваться, вздуться (о воде, жидкости)’;

- ‘набухать, набухнуть, увеличиться в процессе роста; расшириться, раздаться от сырости, влаги’: «Лышташнер, шыданг пырчыла койын, парчалаште оварыш тунам» <Почки деревьев, подобно пшеничным зернам, набухали на ветках тогда> (В. Чалай).

В предметную область значений попадают и различные части тела человека, см.:

- ‘пучиться; становиться (стать) выпуклым, вздутым (о животе)’;

- ‘распухать, распухнуть’: «Вуем кö чага гайла чучеш, неле, оварен» <Моя голова кажется большим глиняным горшком, отяжелела, распухла> (М. Шкетан); «Нерем кокша лекмыла пенг аш тў н але, койын овара» <Мой нос начал болеть, распухать на глазах, как будто растет чирей> (В. Орлов);

⁸Здесь и далее контексты-иллюстрации к марийским лексемам с переводом на русский язык взяты из «Словаря марийского языка» (1990–2005) [СМЯ], при этом данные в словаре ссылки на источники цитат в нашей статье мы сочли возможным опустить, ограничившись указанием на их авторов.

▪ ‘расширяться, расшириться’: «Шкенжын (Васькан) неррожшо овара да пуча» <У Васьки ноздри то расширяются, то сужаются> (И. Васильев); «Мичушын шинчаже пырыс шинча гай овара» <Глаза Мичуша расширяются, подобно глазам кошки> (М. Шкетан);

▪ ‘вздymаться’: «Овара он — юж пеш тамле» <Вздывается грудь — воздух очень приятный> (А. Январёв).

На возможность описания с помощью этого глагола грибов-макромицетов указывает контекст к переносному значению ‘богатеть’: «Кö тремыштат купеч-влак вужга пон гыла веле оварат» <В деревне Кö трем купцы богатеют подобно росту грибов-дождевиков> (А. Эрыкан).

Данному глаголу, по-видимому, родственны *оваргаиш* ‘то же, что и *овараиш*’, *оварге* ‘вздутый, пушистый’ и *овартаиш*, горн. *авартаиш* ‘надувать, надуть’ [СМЯ, 4, 254]. Интересно то, что в ряде случаев эти слова используются для обозначения пухлых губ: «Пö тыр адак, вуйжым кумык чыкалтен, оварге тў рвыжым шымарале <Пётр опять, наклонив голову, потрогал свои пухлые губы> (М. Шкетан); *тў рвым овартаиш* ‘надуть губы’ [Там же]. Соответствий этим словам в других финно-угорских языках нам найти не удалось, но наличие словообразовательной и семантической деривации скорее свидетельствует в пользу их исконного происхождения.

В отношении ярославских миконимов *абрамка*, *абрамуха*, *абрамова губа* и др. ограничимся предположением о том, что мар. *оварыме* в значении причастия (ср. *оварге* ‘вздутый’ — в том числе о пухлых губах) либо в значении ‘опухоль’ могло в языке-источнике или на русской почве стать наименованием грибов и/или наростов на дереве под влиянием продуктивных моделей номинации, о которых шла речь выше.

Однако предлагаемое сопоставление миконимов с мар. *оварыме* необходимо обосновать еще и фонетически. В данном случае мы, с одной стороны, должны учитывать регулярные звуковые соответствия и синтагматические изменения, которым слово могло подвергнуться в процессе языковой адаптации. С другой стороны, надо иметь в виду, что при паронимической аттракции к антропониму возможны нерегулярные (спорадические) изменения, которые приводят к отождествлению (полной омонимии) взаимодействующих друг с другом личного имени и апеллятива (примеры подобного рода, см., в частности, в нашей статье [Феоктистова, 2019]).

В ярославских миконимах наблюдается варьирование гласного в анлауте — *a/o*, которое, как говорилось в самом начале нашей статьи, можно объяснять по-разному — в зависимости от взгляда на происхождение лексем (т. е. само это варьирование не может служить аргументом в пользу той или иной версии). Если в качестве производящей основы рассматривать антропоним, тогда наличие форм с начальным *o* может свидетельствовать о гиперкорректном произношении гласного в первом предупредительном слоге в условиях окающих говоров. Если предполагать

заимствование из марийского, то эти колебания, во-первых, могут отражать характер вокализма в языке-источнике (ср. луг.-вост. *оварáш* и г.-мар. *авáраш*), во-вторых, могут быть следствием русской адаптации, в том числе посредством сближения с антропонимом.

Сходным образом можно попытаться объяснить и различия в консонантизме марийского слова и русского. В марийском языке щелевая фонема *в* [β] имеет билабиальный характер и в русских заимствованиях передает фонему *б* [ОФУЯ, 35]. См., например, мар. *вочко* / *вачкы* < рус. *бочка* [Там же], мар. *савар* < рус. *забор* [Там же, 39]; горн. *оврок* < рус. *оброк* [Саваткова, 105].

Очевидно, что корреляция мар. *в* [β] ~ рус. *б* должна иметь место и при обратном заимствовании — из марийского в русский. См., например, в вятских говорах:

- *чэбер* ‘щеголь’ < мар. *чевер* ‘красивый, хороший, прекрасный’;
- *шубуки* ‘кожаная сумка (делается из сыромятной белой кожи, используется для переноски меда и прочего)’ < мар. *шувыш* ‘кожаный мешок’;
- *карбу́й* ‘верхний слой плиты у каменотесов’ < мар. *кар* ‘крепкий, суровый’ + *вуй* ‘голова’ [Мызников, 2005, 116, 120, 121, со ссылкой на И. Г. Иванова].

В случае с яросл. *абрамка* и под. субституция мар. *в* [β] > рус. *б* поддерживается сближением с личным именем (губные согласные варьируют также в его полной и краткой формах — *Авра(а)м* / *Абрам*, но на адаптацию заимствования скорее могла повлиять его народная — краткая — форма с губно-губным *б*).

Остальные различия между мар. *овáрыме* и яросл. *абрамка* и под. — утрата гласных в конце и середине слога — не являются следствием каких-л. регулярных фонетических изменений, и их тоже приходится «списывать» главным образом на аттракцию к личному имени.

Отсутствие гласного в ауслауте марийского заимствования можно, вероятно, объяснить его редукцией в безударной позиции в марийском языке [см. о ней: ОФУЯ, 41], а также варьированием конечного гласного основы при склонении: ср. род. п. *оварымын*, дат. п. *оварымылан* и под. (о типах склонения см. [Там же, 44]). Из форм косвенных падежей показательна форма иллатива — *оварымышке*, к которой фонетически ближе словообразовательный вариант миконима *обрамúшка*. См. примеры корреляции мар. *ы* ~ рус. *у*: мар. *кокрыр* ‘полкопейки, грош’ > костр. *кокур* ‘два’, мар. *мушкыр* ‘живот, утроба’ > костр. *мишкур* ‘брюхо’ [Мызников, 2005, 119, со ссылкой на А. М. Селищева]. Вместе с тем трудно сказать, почему именно форма иллатива (направительного падежа), учитывая падежную семантику, могла оставить след в русском языке.

Синкопа ударного гласного в инлауте (мар. *овáрыме* / *авáрыме* > рус. *обрам-* / *обрам-*), возможно, связана с наличием диалектного варьирования в языке-источнике. Ср. вят. *орьмо* ‘станок косульного отреза, чертеца — отсекает пласт от твердыни луга’ < мар. *ойрьмо* и *орьмо* ‘отделяющий’, причастие от глагола *ойараш* ‘отделить’ [Мызников, 2005, 117–118, со ссылкой на И. Г. Иванова].

3.4. Таким образом, на наш взгляд, есть как фонетические, так и семантические основания рассматривать мар. *овáрыме* / *авáрыме* ‘опухоль’ или близкую к нему диалектную форму в качестве потенциального источника заимствования для яросл. *абрámка* и *обрамúха*, *обрамúшка*.

С формальной точки зрения важно то, что звуковые различия можно объяснить не только особенностями русской адаптации посредством сближения с созвучным антропонимом *Абрам*, но и диалектными различиями в области вокализма марийского языка (луг.-вост. *о* // горн. *а*, редукция безударного гласного в ауслауте), и регулярными марийско-русскими соответствиями гласных и согласных фонем (прежде всего мар. *в* [β] ~ рус. *б*).

Семантика марийского слова допускает, по-видимому, две линии развития — метафору по форме гриба или грибного нароста, хотя отсутствие фиксаций подобных значений у *овáрыме* несколько ослабляет данную гипотезу. С другой стороны, нельзя полностью исключать их появление в русском, что возможно при субстратном взаимодействии.

В русском языке возникший на базе мар. *овáрыме* / *авáрыме* миконим *обрам / *абрам* (данная форма не зафиксирована) или *обрамúшка* встраиваются в отантропонимическую модель названий грибов. Осмыслению заимствованных лексем как деантропонимов способствуют пейоративные коннотации еврейского имени, ставшего в результате такой ремотивации их новой производящей основой. На первый план выходит инородческая семантика антропонима, которая на языковом уровне маркирует определенные пищевые свойства грибов (плохую усвояемость и/или несъедобность) и «злокачественную» природу трутовиков (они образуются вследствие заражения дерева паразитным грибом и воспринимаются как явление, нарушающее здоровое состояние дерева, как некая «порча» дерева).

В рамках рассматриваемой модели возникают словообразовательные модификации квазидеантропонимов — *абрámка* и *обрамúха* (для последнего возможна и обратная деривация от *обрамúшка*), а также атрибутивные сочетания, которые состоят из гиперонима *гриб* или *гúба* и притяжательного прилагательного, — *абрáмов гриб*, *абрáмова гúба*, аналогично яросл. *еремéй*, *еремéйка* ‘гриб черный груздь’ и *ермóньи губы* ‘грибы (какие?)’.

* * *

Итак, ярославские миконимы с корнем *арбам-/обрам-* могут быть этимологизированы на основе омонимичного корню антропонима. Эта основа — личное имя *Абрам*, — как нам представляется, может быть и первичной, и вторичной. В первом случае миконимы следует рассматривать как деантропонимы, возникшие в рамках соответствующей метафорической модели номинации грибов при актуализации коннотаций личного имени, которые связаны с его этнической принадлежностью. Во втором случае приходится допускать паронимическую

аттракцию к личному имени фонетически и семантически близкого к миконимам марийского слова *овáрыме / авáрыме* ‘опухоль’. Данные лингвогеографии, марийско-русские звуковые соответствия и общие для контактирующих языков модели номинации трутовиков делают, на наш взгляд, версию заимствованного происхождения более приоритетной.

Источники

- Анненков Н.* Ботанический словарь. СПб. : Тип. Имп. АН, 1878.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовоной. М. : МГУ : Наука, 1980—. Вып. 1—.
- ВОС — *Канунова Р. С., Матсапаева Е. М., Епифанова К. В., Пименова М. В.* Владимирский областной словарь: лексика природы. Владимир : ВГПУ им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, 2012.
- Дворецкий И.* Древнегреческо-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
- Жмурко О. И.* Лексика природы: опыт тематического словаря говоров Ивановской области. Иваново : Ивановский ун-т, 2001.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Отин Е. С.* Словарь коннотативных собственных имен. 3-е изд., перераб. и доп. Донецк : Юго-Восток, 2010.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко и др. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1967—. Вып. 1—.
- ПССГ — Полный словарь сибирского говора : в 4 т. / под ред. О. И. Блиновой. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 1992–1995.
- Савваткова А. А.* Словарь горного наречия марийского языка. Йошкар-Ола : Марийск. книж. изд-во, 2008.
- СПГм — *Иванова А. Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М. : Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской, 1969.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001—. Т. 1—.
- СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII века / под ред. С. Г. Бархударова и др. Л. ; СПб. : Наука, 1984—. Вып. 1—.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
- СОС — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского, саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007.
- СРГС — Словарь русских говоров Сибири : в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск : Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999–2006.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22) ; Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42) ; С. А. Мызников (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965—. Вып. 1—.
- ССГ — Словарь смоленских говоров : в 11 вып. / под ред. А. И. Ивановой. Смоленск : СГПИ (СГПУ), 1974–2005.
- Флоринский В. М.* Русские простонародные травники и лечебники. Собрание медицинских рукописей XVI и XVIII столетия. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1879.
- ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль : ЯГПИ, 1981–1991.
- ЯОС-Д — Ярославский областной словарь. Дополнения : в 2 т. / науч. ред. Т. К. Ховрина. Ярославль : ЯГПИ, 2015.

OED — Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/> (дата обращения: 19.07.2022).

Исследования

- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
- Березович Е. Л.* Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014.
- Колосова В. Б.* Образ еврея сквозь призму народной ботаники // Еврейские диаспоры в Европе и мире: полевые и источниковедческие исследования. Вып. 1 / отв. ред. А. А. Новик, Н. Г. Голант. СПб. : МАЭ РАН, 2018. С. 226–242.
- Меркулова В. А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды). М. : Наука, 1967.
- Мищенко О. В.* Лексика лесных локусов в говорах Русского Севера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000.
- Мищенко О. В.* Когнитивные механизмы этноязыкового контактирования на Русском Севере // Русский Север: лексика и ономастика / ред. Е. Л. Березович и др. М. : Индрик, 2021. С. 218–253.
- Мызников С. А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада (этимологический и лингвогеографический анализ). СПб. : Наука, 2004.
- Мызников С. А.* Русские говоры Среднего Поволжья (Чувашская Республика. Марий Эл). СПб. : Наука, 2005.
- ОФУЯ — Основы финно-угорского языкознания (марийский, пермские и угорские языки) / отв. ред. В. И. Лыткин. М. : Наука, 1976.
- Родионова И. В.* Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2000.
- Родионова И. В.* К изучению процесса аттракции с участием отантропонимических дериватов (на материале русских народных говоров) // Этимология. 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 2007. С. 197–209.
- РЭС — *Аникин А. Е.* Русский этимологический словарь. М. : Наука, 2007–. Вып. 1–.
- Субботина Л. А.* Заимствованная лексика в русских говорах Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 1 : Этимология русских диалектных слов / отв. ред. А. К. Матвеев. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1978. С. 66–78.
- СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 1995–2012.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 3-е изд., стер. СПб. ; М. : Наука, 1996.
- Феоктистова Л. А.* К методике анализа ассоциативно-деривационной семантики личного имени // Вопросы ономастики. 2016. Т 13, № 1. С. 85–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Феоктистова Л. А.* Еще раз о паронимической аттракции к личному имени (на примере имени Елена в русских народных говорах) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 1. С. 53–70. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.1.004
- SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. О. 1–7 / toim. E. Ikonen, A. J. Joki, R. Peltola. Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. (Lexica societatis Fenno-ugricae ; XII).

Рукопись поступила в редакцию 13.08.2022

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	нотоз.	нотозерский диалект саамского языка
вепс.	вепсский язык	патс.	диалект Патсйоки саамского языка
влад.	владимирские говоры русского языка	праслав.	праславянский язык
влг.	вологодские говоры русского языка	приб.-фин.	прибалтийско-финские языки
вят.	вятские говоры русского языка	саам.	саамский язык
горн.	горное наречие марийского языка	сев.	северный диалект вепсского языка
иван.	ивановские говоры русского языка	сев.-рус.	севернорусские говоры русского языка
кашуб.	кашубский язык		
кильд.	кильдинский диалект саамского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
		ср.	средний диалект вепсского языка
колт.	диалекты коллта саамского языка	ср.-лат.	средневековая латынь
костр.	костромские говоры русского языка	ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
ливв.	ливвиковский диалект карельского языка	терск.	терский (йокангский) диалект саамского языка
луг.-вост.	лугово-восточное наречие марийского языка	томск.	томские говоры русского языка
люд.	людиковский диалект карельского языка	шв.	шведский диалект саамского языка
		юж.	южный диалект вепсского языка
моск.	московские говоры русского языка	яросл.	ярославские говоры русского языка

В названиях административно-территориальных единиц

выг.	Вытегорский район Вологодской области	некр.	Некрасовский район Ярославской области
дан.	Даниловский район Ярославской области	пересл.	Переславский район Ярославской области
леш.	Лешуконский район Архангельской области	рыб.	Рыбинский район Ярославской области
мез.	Мезенский район Архангельской области	тут.	Тутаевский район Ярославской области
нек.	Некоузский район Ярославской области	яр.	Ярославский район Ярославской области

Прочие

без указ. м.	без указания места фиксации	жарг.	жаргонный
--------------	-----------------------------	-------	-----------

* * *

Феоктистова Любовь Александровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: lfeoktistova@mail.ru

Feoktistova, Lyubov Aleksandrovna
PhD, Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: lfeoktistova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6640-4815>

Lyubov A. Feoktistova

Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

ABRAMOVA GUBA: TOWARDS THE ETYMOLOGY OF THE MYCONYM

The article attempts to clarify the origin of a number of names of mushrooms and fungal growths on a tree (myconyms): *abramka*, *abramukha*, *obramushka*, *Abramova (obramova) guba* <Abram's lip>, *Abramov grib* <Abram's mushroom> attested in the Yaroslavl dialects of the Russian language. Researching the etymology of such words which are formally close to anthroponyms, requires considering some specific factors: a) semantic features of certain components of the name (denotative reference, indication of gender, prevalence of usage, etc.), b) the nature of paronymic attraction to the personal name, particularly in colloquial speech. In terms of deanthroponymic logic of the origin of myconyms, the name *Abram* can be interpreted as: a) the name of the biblical patriarch, b) a secondary ethnonym, c) a pejorative characteristic of a person (regardless of ethnicity). However, there are several factors that testify against the hypothetical relation between the myconyms and this personal name, such as: the lack of connection with the biblical character and the corresponding botanical terms in Latin and other Western European languages; the absence of "Jewish" or "male" names of mushrooms in the Russian language. On the other hand, considering the distribution factor (these myconyms are specific to Yaroslavl dialects), it might have been some foreign word borrowed into the Russian language and reanalyzed following the anthroponymic pattern. The analysis of the names of tree growths in the Northern Russian vocabulary carried out by Olga V. Mishchenko proves the possibility of drawing connections with Finno-Ugric borrowings and the need to include the meaning of 'growth, tumor,' etc. among the potential origin for myconyms. The author of this article substantiates the etymology from the Mari *ováryme* 'tumor' as by both formal (variation of vowels at the beginning and middle of a word in the source language, correlation of Mari $\beta \sim$ Russian *b*, etc.), and semantic (similar naming patterns of 'something bloated' → 'mushroom, mushroom growth' in both contacting languages) criteria.

Key words: Russian language; Yaroslavl dialects; myconyms; deanthroponymic naming pattern; biblionyms; paronymic attraction; lexical borrowing; Mari language

Acknowledgements

The research is carried out within the project 20-18-00223 *Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary* supported by the Russian Science Foundation.

The author is sincerely grateful to Elena Berezovich and Olga Mishchenko for the valuable comments made during the preparation of the article for publication.

Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vol. 1–). Moscow: Nauka.

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: Etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

Berezovich, E. L. (2014). *Russkaia leksika na obshch斯拉vianskom fone: semantiko-motivatsionnaia rekonstruktsiia* [Russian Vocabulary on a Common Slavic Background: Semantic-Motivational Reconstruction]. Moscow: Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniu i Nauke.

- Feoktistova, L. A. (2016). K metodike analiza assotsiativno-derivatsionnoi semantiki lichnogo imeni [On the Method of Analysing the Associative-derivative Semantics of a Personal Name]. *Voprosy onomastiki*, 13(1), 85–116. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2016.13.1.005
- Feoktistova, L. A. (2019). Eshche raz o paronimicheskoi attraksitsii k lichnomu imeni (na primere imeni *Elena* v russkikh narodnykh govorakh) [Revisiting the Paronymic Attraction to a Personal Name: The Name *Elena* in Russian Dialects]. *Voprosy onomastiki*, 16(1), 53–70. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.1.004
- Itkonen E., Joki, A. J., & Peltola, R. (Eds.). (1958–1981). *Suomen kielen etymologinen sanakirja* (Vols. 1–7). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura.
- Kolosova, V. B. (2018). Obraz evreia skvoz' prizmu narodnoi botaniki [The Image of a Jew through the Prism of Folk Botany]. In A. A. Novik, & N. G. Golant (Eds.), *Evreiskie diaspory v Evrope i mire: polevye i istochnikovedcheskie issledovaniia* [Jewish Diasporas in Europe and the World: Field and Source Studies] (Vol. 1, pp. 226–242). St Petersburg: MAE RAN.
- Lytkin, V. I. (Ed.). (1976). *Osnovy finno-ugorskogo iazykoznaniiia (mariiskii, permskie i ugorskie iazyki)* [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics (Mari, Perm, and Ugric Languages)]. Moscow: Nauka.
- Merkulova, V. A. (1967). *Ocherki po russkoi narodnoi nomenklature rastenii (Travy. Griby. Iagody)* [Essays on the Russian Folk Nomenclature of Plants (Herbs. Mushrooms. Berries)]. Moscow: Nauka.
- Mishchenko, O. V. (2000). *Leksika lesnykh lokusov v govorakh Russkogo Severa* [Vocabulary of Forest Places in Dialects of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Mishchenko, O. V. (2021). Kognitivnye mekhanizmy etnoiazыkovogo kontaktirovaniia na Russkom Severe [Cognitive Mechanisms of Ethnolinguistic Contacts in the Russian North]. In E. L. Berezovich (Ed.), *Russkii Sever: leksika i onomastika* [Russian North: Vocabulary and Onomastics] (pp. 218–253). Moscow: Indrik.
- Myznikov, S. A. (2004). *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniia v russkikh govorakh Severo-Zapada (etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz)* [Vocabulary of Finno-Ugric Origin in Russian Dialects of the North-West (Etymological and Linguo-geographical Analysis)]. St Petersburg: Nauka.
- Myznikov, S. A. (2005). *Russkie govory Srednego Povolzh'ia (Chuvashskaia Respublika. Marii El)* [Russian Dialects of the Middle Volga Region (Chuvash Republic. Mari El)]. St Petersburg: Nauka.
- Rodionova, I. V. (2000). *Imena bibleisko-khristianskoi traditsii v russkikh narodnykh govorakh* [Names of the Biblical Christian Tradition in Russian Folk Dialects] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.
- Rodionova, I. V. (2007). K izucheniiu protsessa attraksitsii s uchastiem otantropnimicheskikh derivatov (na materiale russkikh narodnykh govorov) [Towards the Study of the Process of Attraction with Anthroponymic Derivatives (Based on Russian Folk Dialects)]. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiya. 2003–2005* [Etymology 2003–2005] (pp. 197–209). Moscow: Nauka.
- Subbotina, L. A. (1978). Zaimstvovannaia leksika v russkikh govorakh Prikam'ia [Borrowed Vocabulary in Russian Dialects of the Kama Region.]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia* [Etymological Studies] (Iss. 1, pp. 66–78). Sverdlovsk: Ural University Press.
- Tolstoy, N. I. (Ed.). (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vols. 1–5). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.
- Vasmer, M. (1996). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (3rd ed., Vols. 1–4). St Petersburg: Moscow: Nauka.